

Человек способен многое упустить через прорехи памяти. Беспмятство и неблагодарность идут рядом. Поэтому так настойчиво заклинание автора в финале «И сильно падает снег»: «Молю Бога, чтобы не погасла моя свеча. А еще молю, чтоб рядом, одна за одной, вставали все новые и новые свечи...». Родство неблагодарности и беспмятства подчеркнуто и в эпилоге повести «Иринарх». В публицистически остром монологе, обращенном непосредственно к читателю, повествователь скажет, что в основанном на документе произведении все правда — кроме эпилога: «Высится над Обдорском, ныне Салехардом, бронзовая фигура игумена Иринарха — Ивана Семеновича Шемановского. У ног его, под воздетым им крестом, любимый Обдорск и вся бескрайняя тундра... Мемориальная доска на окружном краеведческом музее с барельефом Иринарха — Шемановского. Такая же доска на Салехардской окружной библиотеке. Одна из лучших улиц Салехарда носит имя Ивана Семеновича Шемановского — игумена Иринарха».

Здесь не только содержание, но само композиционное строение «фантастического» эпилога (положительный тезис — информация, отрицательный вывод — итог) призваны активизировать выбор читателя — с кем он? — и подвигнуть его на конкретное историческое деяние, возможно, и несоразмерное с деянием предшественников, но совершенное в их благодарную память, в исполнение уроков их праведных и грешных жизней.

В 1992 году повести «Иринарх» и «И сильно падает снег» закономерно заканчивались только словом надежды и вопросом. Конец 1990-х принес первые ответы. Завязался реальный предметный диалог писателя и читателя. Ожиданием его продолжения, думается, живут сейчас все его участники.

*Светлана Михайловна ПОТРЕПАЛОВА —
ассистент кафедры журналистики
филологического факультета*

УДК 070 (47+57)

ПОРТРЕТНЫЙ ОЧЕРК НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» 1941-45 ГОДОВ

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются жанровые особенности портретного очерка военных лет на материале газеты «Красная звезда» 1941–45 годов.

The article deals with genre features of war-time picture essay in the newspaper «Krasnaya Zvezda» of 1941–1945.

В определении жанровых особенностей портретного очерка у его исследователей нет противоречий. Так, М. С. Черепанов считал, что главная его задача — «показать одного из наших современников, раскрыть поучительность его жизненного пути, его свершений; показать человека в его типическом и неповторимо личном; выявить зримые черты нового, коммунистического в советских людях, процесс становления человека будуще-

го» [1]. При этом, отмечает исследователь, героем такого очерка не обязательно должен быть самый лучший человек, ведь одна из задач очеркиста — «силой слова укреплять веру в среднем сегодня человеке в то, что завтра и он поднимется еще на одну ступеньку, что он может и должен к этому неизменно стремиться...» [2].

Эту же мысль развивал и В. Я. Канторович, когда писал: «Очерковый литературный портрет не создает копии с оригинала, не может ограничиваться внешними приметам «модели»... Он стремится создать образ человека, раскрыть его характер» [3]. Он также подчеркнул, что важно, чтобы путь героя мог быть повторен множеством современников.

Н. И. Глушков писал: «В портретном очерке воссоздается документальный образ известного человека или «выдумывается» обобщенный образ-тип, вызывающий большой общественный интерес» [4]. Главная особенность портретного очерка, по мнению исследователей, в том, что он описывает реальных людей, и этим он, по утверждению В. А. Алексеева, отделяется от «физиологий» [5].

Приведенные выше суждения позволяют нам сделать вывод, что портретный очерк создает образ реального человека в его типическом и неповторимо личном, во всей его сложности, в различных жизненных ситуациях, раскрывая его путь, который может и должен послужить примером для современников.

Внутри портретного очерка мы, вслед за Н. И. Глушковым, выделяем две жанровые разновидности: портреты индивидуальные и коллективные. Основываясь на данном понимании портретного очерка, мы установили, что в военные (1941 — 1945) годы на страницах газеты «Красная Звезда» было опубликовано:

Годы	Индивидуальный портрет	Коллективный портрет	Всего
1941	66	12	78
1942	58	29	87
1943	46	14	60
1944	50	3	53
1945	5	3	8
ВСЕГО	225	61	286

Приведенные данные убедительно свидетельствуют, какое значение портретному очерку уделяли редакция и авторы, показывают его место в системе очерковых форм в годы Великой Отечественной войны. Что же представлял собой портретный очерк военных лет?

Идеологическая установка метода социалистического реализма на формирование образа «нового советского человека» определила то обстоятельство, что структурообразующим компонентом портретного очерка был не столько портрет реального персонажа, сколько сконструированный из нужных, отобранных черт характера и биографии образ, соответствующий заданной идее. Поскольку при всем разнообразии нужных качеств их количество все же ограничено, то и при кажущейся индивидуальности судеб героев их похожесть между собой очевидна: младший сержант Федоренко (имя не указано) в зарисовке З. Хирена «Младший сержант Федоренко»

(02.07.41) [6] — командир пулеметного отделения, участвовал в борьбе с белофиннами. Он вместе со своим пулеметом «славно бьет немцев, разве только злее стал». Это все, что мы узнаем о герое зарисовки. Ни портрета, ни индивидуальных черт характера. Герой другого примера прорисован более четко с качественной стороны в очерке Н. Богданова «Гроза «Хенкелей» Арсений Дмитриев» (27.07.41). Он «прост и скромен», он — «сокол, расправляющий крылья». Внешнего портрета мы также не наблюдаем. В очерке Е. Габриловича «Медицинская сестра» (09.08.41) есть и портрет, и качественная характеристика Нины Протоповой: «Отличная девушка! Простая советская девушка, москвичка, с голубыми веселыми глазами», «всегда в хлопотах, не знающая усталости».

Несколько иная структура в очерке П. Огина, С. Сапиго «Личный пример храбрости и отваги комиссара Зарубина» (20.07.41). Здесь нет внешнего портрета и имени (лишь фамилия), но зато есть идея: «Не о жизни будем думать, а о победе... Отделения разбивают роты, а роты бьют батальоны и полки, если бойцы и командиры спаяны единым стремлением уничтожить врага во что бы то ни стало. Трусость — это измена, и в нашей среде мы не потерпим трусости». Аналогичный пример — очерк политрука В. Красикова «Бесстрашный комиссар» (13.08.41), в котором также основным портретным элементом является идея (которая позже в более развернутом виде появится в очерке К. Симонова «Третий адъютант»): «Труссы и паникеры всегда погибают бесславно... Надо драться отважно, настойчиво, и победа будет за нами». Внешнего портрета комиссара тоже нет. Со всем не случайно, что именно в очерках, посвященных комиссарам, на первый план выходит не портрет, а идея, так как именно идейность — качество, характеризующее комиссара как личность, наиболее важно. В результате наличие этого качества у всех абсолютно комиссаров делает их очень похожими между собой. Тенденция вкладывать основные идеи военных лет в комиссарские (даже не командирские) уста будет проявлять себя в очерках до конца войны.

Кроме идеи, всех комиссаров объединяет такое качество, как постоянное присутствие в самых опасных местах боя: «В самых опасных местах был он, руководил операцией» («Бесстрашный комиссар»), «Бойцы знают, где опасно, там обязательно будет комиссар» («Военная закалка» Б. Галина, 01.11.41).

Портреты командиров строятся по другому принципу, так как им была отведена особая роль — быть умными и по-отечески заботливыми. Основные, базовые качества в портретных очерках у командиров — военное мастерство и забота о бойцах: «Этот характер выковывался в боях за Родину, отшлифовывался в аудиториях академий и теперь, на полях Отечественной войны, дает первые плоды своей вдумчивой, напряженной внутренней работы» (о командире полка М. Манакине из очерка В. Ильенкова «На командном посту», 03.11.42). «И храбрость, и смелость, и мужество — все как бы само собой разумеющееся. Офицер связи должен обладать широтой военного кругозора» (о майоре М. Рыбаке из очерка Б. Галина «Офицер связи», 22.11.41). «Очень его любили за заботу...» (офицера Брянцева из очерка В. Курбатова «Офицер Брянцев и его взвод», 18.06.43). К этому же ряду относится очерк К. Симонова «Зрелость» (01.05.43), П. Трояновского «Военный «почерк» полковника Бахметьева» (28.12.43) и еще многие другие. Полное имя и внешность командира при таком подходе особого значения не имеют. Личностная характеристика выражена одной-двумя фразами типа «гвардии майор Птушкин почти что

Пушкин... Чистая душа, скромница и настоящий офицер маневра». При-
сущие командирам забота и внимание к бойцам снискали им славу «род-
ного отца». Характерно с этой точки зрения название очерка Б. Галина
«Отец-командир» (26.11.42). Добрый, но справедливый «отец», который и
пожурит, и похвалит, и накажет — типичный образ командира, который,
кстати, мало расходился с реальностью. В. Гроссман в записных книжках
приводит такой факт: «Михалева очень любили. Он ко всему прочему
симпатичный человек, серьезный. Смелый, заботливый... Теперь, когда
спрашиваешь:

— Ну, как?

— Что ж как, эх, живем без отца. Он очень умелый был командир.
Дорогой командир. Жалел своих людей, берег» [7].

Схематичное распределение «ролей» между рядовым составом, комис-
сарами, политруками и командирами говорит о жесткой идеологической
схеме, в которую укладывается все разнообразие человеческих характеров.
А в очерках, где портрет героя рисуется через его дела и поступки, образ
человека достигает высокой степени обобщения. Примером может служить
очерк Б. Галина «Старик из маленького города» (21.09.41). Читателю неиз-
вестно ни имя старика-разведчика, ни его судьба (по-видимому, очень горь-
кая), он выступает как олицетворение всего поколения стариков, застигну-
тых войной.

Типичность и схематичность героев не указывает обязательно на иска-
жение действительности, но несомненно указывает на односторонность
подхода. Обобщенность, типичность в сложнейших ситуациях оказывается
важнее индивидуальности и неповторимости. Десять разных командиров с
разными характерами в сходных обстоятельствах будут действовать почти
одинаково, по двум-трем схемам. И передать через газету эти три схемы
было нужнее, чем бесконечное разнообразие поступков и решений. Нужно
было пропагандировать тот или иной тип рядового, младшего командира,
старшего командира, а не развлекать читателя широкой палитрой индиви-
дуальностей.

В результате наблюдается явление деиндивидуализации образа героя
(без имени, без характерных для него деталей), помещение его в опреде-
ленные рамки. Это явление распространилось, конечно, не на все порт-
ретные очерки, были и исключения. Но именно таким путем всю войну
создавался образ воюющего народа. В. Гроссман в своих записных книж-
ках 1943 года приводит план работы над образом командира: «Командир
полка. 1) Его грамотность в тактических вопросах. 2) Знание противни-
ка. 3) Связь, взаимодействие. 4) Отношение к соседу. 5) Отношение к
подчиненным командирам. 6) Отношение к бойцу. 7) Командир в его
бытовой характеристике. 8) Отношение к потерям живой силы. Соеди-
нение в обороне. 1) Основные принципы: а) тактический, б) работа с
людьми» [8]. Из приведенного плана видно, что к 1943 году подход к
созданию портрета командира несколько изменился. Судя по публика-
циям в «КЗ», пункты 5,7,8 не были актуальны в первые два года войны.
Что касается второй части плана о подготовке материала, посвященного
деятельности какого-либо соединения, коллектива, то к уже перечислен-
ному можно добавить еще один пункт, выведенный на основе анализа
публикаций: история славы соединения, традиции. Как правило, коллек-
тивные портретные очерки строились таким образом: рассказ о прошлых
заслугах и боях, традициях, сегодняшние дела и люди соединения. В не-

которых очерках есть «крупные планы», заострение внимания на отдельных людях, в других — «общие планы», без конкретных имен, без выделения отдельных людей из общей массы. Пример первых — очерки П. Ризина и А. Шуэра «Героическая дивизия» (06.07.41), Б. Галина «Прощай, 109-й!» (29.04.42), Н. Погодина «Генерал Крюков и его конники» (22.09.43).

Пример вторых — очерки К. Симонова «Полк, героически защищающий Одессу» (31.08.41), К. Буковского «355-й ордена Ленина стрелковый полк» (02.09.41), Б. Лавренева «История славы авиаполка» (29.08.42) и др.

Коллективный портретный очерк использовался для описания героизма большой группы людей, в том числе образующих воинские соединения. Кроме того, они различались:

а) по принадлежности к роду войск (К. Симонов «Дальние разведчики», 19.10.41; Н. Эрбург «Восемь русских франтиреров», 03.04.45);

б) по национальной принадлежности (П. Павленко «Сыны Кавказа», 01.05.42; цикл И. Эренбурга из 9 очерков, посвященный разным народам);

в) по «землячеству» (П. Павленко «Сибиряки», 06.03.42; Н. Москвин «Ярославцы», 02.10.42).

Таким образом, коллективный портретный очерк перешел к собирательному, обобщенному образу народа через рассказы об отдельных людях («Россия» И. Эренбурга (14.08.42), «Наши люди» В. Ильенкова (06, 08, 11.07.43).

Коллективные портретные очерки характеризовались еще большей пунктирностью, еще большими обобщениями и отсутствием ярких, точных деталей. Иногда в рамках одного такого очерка сталкивались противоположные характеры. Это коллективный портрет, но с внутренним конфликтом, с борьбой между моделями поведения, между противоположными характерами командиров. Через один боевой эпизод раскрываются противоречия в умении вести бой, в обращении с подчиненными и «соседами», встает проблема взаимодействия между отдельными частями. Примерами могут служить очерки Б. Галина «Корень жизни» (22.08.42) и «Сосед справа» (16.10.42).

Через небольшой промежуток времени писатель возвращается к разработке важнейшей военной проблемы, и во втором очерке конфликт становится резче, объемнее. Если в «Корне жизни» лейтенант Нарыжный — глупый, тщеславный человек с мелковатой душой, и поэтому его трусость и отступление предельно предсказуемы, а вывод — ясен, то в «Соседе справа» командир Куликов обрисован более объемно. Его слабость — в несамостоятельности, а не в подлости. Он не умеет быстро принимать решения и не наладил отношения с подчиненными, которым он угрожает. И именно эта слабость стоит его бойцам дорого. Характер более неоднозначный и потому более реалистичный, приближенный к обычной жизни. Конфликт, усугубленный еще и тем, что Куликов и Гурин в прошлом друзья, приобретает большую рельефность.

Отдельную группу составляют коллективные портретные очерки, посвященные немцам и народам Европы. Их особенностью является собирательный, обобщенный характер. Например, на основании дневника одного фашиста строится образ захватчика («Матерый волк» Н. Тихонова, 11.08.42), или на примере нескольких писем немецких женщин своим мужьям и друзьям на Восточный фронт И. Эренбург строит образ немки Гретхен: «дуры, сожравшей сало», «самки», «бездушной и жестокой тва-

ри», «бессовестной породистой коровы» и т. д. (И. Эренбург «Гретхен», 13.11.42). Примерно по такому же принципу И. Эренбург пишет очерки «Армия жизни» (01.05.44) и «Армия смерти» (25.05.44), где противопоставлены Красная Армия и гитлеровская. В основном, эту тему на протяжении всех военных лет «вели» И. Эренбург и Н. Тихонов. Иногда к ним присоединялся А. Толстой.

Еще одну группу (малочисленную) составляют портретные очерки, рассказывающие о предателях. Как правило, их контингент состоял из затаившихся врагов советской власти («Разоблаченная шпионка» (28.09.41) и «Письма из Крыма» К. Симонова). Очерки эти писались с воспитательной целью, которая иногда достигалась: в прессе 1942 года был зафиксирован случай, когда после прочтения рассказа «Отступник» А. Довженко (11.06.42) один боец признался политруку в том, что он — предатель и попал к ним под чужой фамилией. [9].

Законы публицистики требуют от материалов практической пользы для решения злободневных проблем. Показать образ современника-героя, противопоставив его образу вероломного и подлого врага — основная задача всех портретных очерков военных лет. Портретный очерк как бы «распространяет» сухую информацию о бесстрашии наших воинов, показывая на конкретных примерах, что действительно «неоглядное, бездонное море народного героизма клоочет, бурлит на советской земле» (очерк А. Авдеенко «Сыны народа», 28.01.44).

Газетный портретный очерк, благодаря своей оперативности, может рассказать о герое, его подвиге очень быстро, в течение нескольких дней. Очерк И. Сельвинского «Девиз хирурга» (08.04.42) мгновенно разнес весть об открытии и уникальной операции профессора Гуревича, в результате которой пораженная гангреной рука буквально «оживает» и не требуется ее ампутации. Это научное открытие спасло от инвалидности массу людей. Четкий, ясный облик профессора, детальное описание операции, предельно ясное толкование сути метода делают этот портретный очерк чрезвычайно убедительным и достоверным, позволяя читателям быть рядом с теми, кто сегодня, сейчас творит это чудо.

В заголовках, в основном, преобладают имена героев, о которых повествует очерк. Точная «адресность» добавляет убедительности даже явным сконструированным типам. Причем вместе с именем в заголовке фигурируют звание, либо принадлежность к роду войск: «Отважный разведчик Беляков» политрука И. Эпштейна (29.06.41), «Подвиг сержанта Ступиченко» комиссара Я. Городского (29.06.41), «Летчик-истребитель Кузнецов» В. Ильенкова (02.07.41), «Ездовой Терентий Кутузов» П. Трояновского (10.02.41) и многие другие. Такая тенденция несколько видоизменилась с конца 1941 года, когда образ человека-героя стал более обобщенным, стремясь к типичности. Из заголовков исчезли собственные имена, сохранились лишь звания или определенные обозначения: «Командир дивизии» Б. Галина (30.01.42), «Истребитель истребителей» К. Симонова (11.12.41) «Старик» В. Гроссмана (08.02.42), «Настоящий ефрейтор» капитана Ф. Костикова (18.05.43), «Коммунисты» П. Трояновского (06.01.44), «Мать» В. Ильенкова (22.09.44) и т. п.

Исследователи всегда отделяли писателей от публицистов как раз по принципу создания образов. Считалось, что публицист имеет дело с реальными людьми, а писатель создает обобщенные образы. В «Красной Звезде» военных лет писатели совмещали и то, и другое. Их обобщенные образы

рождались из встреч с реальными людьми и были наделены конкретными чертами.

Неточность и неполнота сведений о конкретном человеке упрощала задачу создания очерка. Эскизность портрета оправдывалась дефицитом времени на создание материала. Например, В. Ильенков, на котором, в основном, лежала нагрузка по очеркам и зарисовкам рубрики «Герои Отечественной войны», писал свои материалы с интервалом в два-три дня (в июле 1941 года — 02, 05, 12, 18, 20, 24). Трудно за такие рекордно короткие сроки познакомиться с человеком, понять его и написать о нем правду.

Таким образом, жесткий ритм газетной работы, необходимость основываться на конкретном, реальном материале, соображения военной тайны, точная адресность и стремление к созданию обобщенного образа стали причиной развития совершенно неповторимого по структуре портретного очерка.

Если обратиться к очерку М. Шолохова «На Смоленском направлении» (29.08.1) в качестве примера того, что беспощадно вычеркивались в определенные моменты из очерков все документальные приметы, то можно увидеть, как в мгновение ока «адресный» очерк становился «безадресным», убедительно доказывая: категория «адресности» / «безадресности» в портретных очерках военных лет сугубо формальная.

Предельная точность фактов, реализованная в конкретном упоминании местности, воинской части, имени и фамилии командира, невозможна, а зачастую и неуместна в очерках военного времени. В результате, как ни старайся корреспондент, очерк становится «размытым», нечетким, с несколькими более-менее характерными деталями портрета, где собственно портрет как основа очерка теряет свою первостепенную роль. И это не слабость портретного очерка, а его отличительная черта, определенная ступень в развитии.

На протяжении всех военных лет портретный очерк занимал лидирующие позиции, не уступив своего места даже в самом «событийном» 1944 году. Большое внимание уделялось человеку на войне. Его переживания, оценки, мотивы стали объектом исследования и организующим началом в публицистических произведениях военного периода. К сожалению, во второй половине 40-х годов, после известных партийных документов 1946—48 годов по вопросам литературы и искусства, это качество портретного очерка было на время утрачено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черепанов М. С. Работа над очерком. М.: МГУ, 1966. С. 44.
2. Там же. С. 45.
3. Канторович В. Я. Заметки писателя о современном очерке. М.: Советский писатель, 1973. С. 222.
4. Глушков Н. И. Очерковые формы в советской литературе. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1969. С. 169.
5. Алексеев В. А. Русский советский очерк. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 19.
6. Здесь и далее указывается дата (число, месяц, год) публикации очерка в газете «Красная Звезда».
7. Гроссман В. С. Повести. Рассказы. Очерки. М.: Воениздат, 1958. С. 392.
8. Там же. С. 404.
9. Глинкин П. Е. Страницы подвига: очерк русской прозы 1941-45 гг. М.: Современник, 1978. С. 133.